

**Мастерство перевода. 1963.
Сборник статей. Выпуск 3**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М32

М32 Мастерство перевода. 1963. Сборник статей. Выпуск 3 / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 520 с.

ISBN 978-5-458-63571-4

П. Антокольский. Черный хлеб мастерства. С. Липкин. Перевод и современность. Вл. Россельс. Нужна история художественного перевода в СССР. Виль Ганиев. Образность как элемент точности. В. Левик. Верное слово — на верное место. А. Жовтис. Пульс стихотворного перевода. М. Шуман. Слова переводимые и слова непереводимые. С. Маркиш. Интонации русского Рабле. М. Пархоменко. Новый перевод «Энеиды» И. П. Котляревского. Э. Свадост. Райнис по-русски. Лев Озеров. Песнь — душа народа. И. Чежегова. Лирический дар Кубы. Андре Менё. Пример, достойный подражания (перевод М. Лорие). Н. Любимов. Перевод — искусство. Татьяна Гнедич. Коллективный перевод сборника стихов. Марина Цветаева. Два Лесных Царя. Е. Ланда. А. Блок и переводы из Гейне. Аг. Гатов. Споры по существу. Статьи, рецензии, критические заметки: Н. Чхеидзе (Грузия), Ю. Гаврук (Белоруссия), К. Айвазян, Л. Мкртчян (Армения), Р. Мустафин (Татария), Л. Кременцов (Узбекистан), Х. Садиков, К. Нурмаханов (Казахстан), Г. Шафиков (Башкирия), Э. Скляр, Ч. Маталов (Туркмения), Н. Алиев (Дагестан), С. Бахтиаров (Татария), С. Соловей (Белоруссия), Ю. Оямаа (Эстония), М. Явич (Таджикистан), К. Дурдыев (Туркмения), Т. Ростовайте (Литва), М. Коцюбинская, М. Гресько (Украина), О. Сулейменов (Казахстан). Э. Матузевичюс. Проблемы, волнующие переводчиков Литву. Я. Османис. Переводная поэзия в Латвии (перевод Ф. Арсеньева). Юр. Молочковский. Сходные признаки роста. Е. Эткинд. На конгрессе в Дубровнике. Выступление П. Антокольского. Памяти И. А. Кашкина. Художник, педагог, ученый. Иван Кашкин. [Перевод и реализм]. I. Советский Союз (сост. Н. Назаревский). II. Зарубежные страны (сост. Б. Хавес).

ISBN 978-5-458-63571-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ МАСТЕРСТВА

Я не берусь ответить на вопрос, и вряд ли кто-нибудь из участников заседания Совета по художественному переводу¹ ответит, удалось ли оно, это со-
вещание, оправдало ли те надежды, которые на него
возлагали.

В деле художественного перевода не может быть
изобретений, никакие проблемы не упадут к нам с
луны. Волнующие нас вопросы, наши споры, недоуме-
ния, недомолвки суть наследство, доставшееся нам
от многих поколений русских переводчиков. Мы
уточняем терминологию, ищем определения, адекват-
ные уровню нашей поэтической культуры, но это уже ра-
бота, так сказать, техническая. У каждого поколения

¹ Расширенное заседание Совета по художественному пере-
воду при Правлении Союза писателей СССР, посвященное дис-
куссии «Поэзия народов СССР в русских переводах» (май
1962 года), привлекло внимание широкой общественности. В дис-
куссии выступило 39 ораторов — поэты, переводчики, критики,
редакторы, научные работники Москвы, Ленинграда и многих
других городов, ее ход освещался в печати. В основу публикуе-
мой статьи положено заключительное слово П. Антокольского на
этом заседании. — *Ред.*

русских переводчиков были свои споры о точности, верности, близости, поэтичности перевода. Например, знаменитая и хорошо изученная тяжба между Катениным и Жуковским относительно бюргеровой «Леноры» сводилась к тому, что Катенин считал необходимым передать грубую народную сущность этой романтической баллады. Известно, что победителем оказался как раз Катенин, поэт и переводчик несравненно более слабый, нежели Жуковский: катенинский перевод, несмотря на его поэтическую слабость, все же ближе к народному, грубому, «жестокостному» духу этой баллады, чем перевод Жуковского.

Если мы повторяемся, если упорно говорим из года в год одно и то же, мы обречены на эти повторения самой природой нашего искусства. Связь же между творческой практикой и теорией заключается в том, что именно практика и только она одна изоощряет теоретическую мысль, делает ее гибче и острее.

Много говорят о личности переводчика, о том, какое место занимает она в искусстве перевода — самостоятельное или подчиненное. Мне кажется, ответ на эту действительно сложную загадку содержится в природе нашего искусства. Недаром оно было уже не однажды и нами самими, и многими другими названо искусством перевоплощения. К феномену перевоплощения стоит приглядеться пристальней, чем это делали до сей поры.

Существуют разные переводчики. Среди них есть поэты со способностью абсолютного, совершенного перевоплощения. Именно таким был покойный М. Л. Лозинский. Перечтите его корнелевского «Сиды» и поэму Данте — и вы сразу познакомитесь с двумя разными поэтами: «Сид» — дворянская, рыцарская, испано-французская доблесть, речь учтивая и в то же время дерзкая; и рядом с этим — медный набат дантовских терцин, патетика безоглядной веры и грозного негодования. То же самое в прозаических переводах Лозинского: суховато-небрежная, изящная проза Мериме совершенно не похожа на неуклюжую, топорную, даже чуть придурковатую прозу записок Бенвенуто Челлини. На этом примере воочию ви-

лишь, до какой степени искусство переводчика сродни актерскому, артистическому дарованию. Лозинского в театре назвали бы *характерным* актером, то есть таким актером, который умеет и любит жить в чужой походке, в чужом возрасте, в чужих психологических особенностях. В этом было высокое искусство Лозинского, пафос его труда.

Но вот еще один замечательный переводчик, у которого все мы учились и столь многому научились, к изучению которого еще не однажды вернутся, — Борис Пастернак. Он в очень малой степени обладал способностью перевоплощения. Он оставался самим собою и в «Гамлете», и, тем более, в «Фаусте» («Фауст» был лучшим его достижением), и в Бараташвили, и в Тициане Табидзе. Между тем если говорить о точности пастернаковских переводов, то они безупречны. Итак, мы видим, что Пастернак — психологически другой тип переводчика, нежели Лозинский. Он устремлялся к той же самой точности, верности, адекватности, что и Лозинский, и при этом невольно и бессознательно его личность сказывалась в интонации, в словаре, в синтаксисе, в ритме его переводов, она заполняет все поле нашего читательского внимания. Говоря попросту, она *побеждает*.

Стало быть, проблема перевоплощения уже усложнилась, показала два своих противоположных аспекта. Мне кажется, всегда надо обращаться к высоким примерам, потому что именно в них загадка дарования открывается в наиболее ясном, беспримесно-чистом виде.

И само собою разумеется, перевоплощение, как основной феномен нашего искусства, требует очень пристального внимания. Только непосредственные наблюдения над практикой дадут материал для общих построений, для теоретических выводов. Исходя же из аналогии между искусством переводчика и искусством актера, можно предвидеть и метод этой теоретической работы: каждому из нас доступен великолепный инструмент — школа К. С. Станиславского, его наблюдения над психологией актерского творчества, его находки и выводы. Каждый, всерьез

работающий в нашей области, очень много почерпнет для себя у Станиславского.

Мы до сих пор еще спорим о границах переводимости. Ясно, что границы переводимости действительно существуют. Конечно, просодия многих чужих языков — явление непереводимое. Силлабика французов или поляков невозможна на русском языке, в русском стихе. Переводя французов силлабическим стихом, мы очень недалеко ушли бы от Кантемира, — вот единственная возможность силлабики в русском языке: она адекватна как явление языка, но противоположна французской силлабике как явление поэтическое. Есть языки с ударениями беглыми, но зато с чередованием кратких и долгих звуков (древнегреческий, современный грузинский) и, стало быть, с соответственной просодией, невозможной на русском языке. Есть языки с высокими и низкими (музыкальными) тонами, например вьетнамский.

Вот чем ограничена для поэта переводимость. Но вот где особенно требуются его изобретательность и его слуховая чуткость, чтобы средствами своего языка все же передать особенности чужой поэтической речи. Здесь не может и не должно быть никакой заранее заданной рецептуры. Решающую роль играют индивидуальный поиск, вкус, такт, изобретательность.

Очень часто с большим пафосом, с упоением провозглашается: надо знать страну, ее историю, культуру, любить ее природу! Надо понять — ура! — что аксакал не то же самое, что саксаул! Надо дружить и с поэтом, которого переводишь, а заодно и с трудящимися его родины, с металлургами, колхозниками.

Конечно, все это прекрасные аксиомы. И русские поэты старшего поколения изучали и братскую страну, и ее культуру не однажды. Иначе за три минувших десятилетия не было бы проделано той огромной работы, которая у нас сегодня перед глазами.

Но вот в чем наше недоумение: многие, произнося эти благие заклинания, забывают об одной необходимости, без которой невозможно дело перевода. Я говорю о необходимости знать (или по крайней мере

изучать) чужой язык! В крайнем случае о чужом языке упоминается вскользь, как о некоей труднодостижимой, но желательной возможности вспомогательного порядка.

В чем дело? Как это понять? И можно ли, вообще говоря, понять такое отношение к языку оригинала со стороны уважающего себя и свой труд переводчика?

Как бы мы ни любили и ни уважали наших молодых товарищей поэтов, как ни верили бы в их поэтическое и переводческое дарование, но если они, едва закинув ногу в стремя Пегаса, чуть оседлав возможности добычи грамма радия из тысяч тонн словесной руды, отказываются от изучения чужого языка как от невыносимой для себя задачи, отказываются от этого несравненного инструмента познания мира, как слабосильные школьники отказываются от уроков гимнастики, — нам очень жаль их! Откуда это худосочие? Наш долг в том, чтобы по возможности резче обнажить это свое разногласие с такими товарищами.

И если такая честная позиция будет решительно взята на вооружение и теорией нашей, и повседневной практикой, и пропагандой, и общественной деятельностью, тогда очень многое из того, что кажется спорным, неточно установленным, само собою отпадет.

Что это за ссылки на талант? Что это за требования особой скидки на талант? Было бы очень полезно забыть самое слово «талант». «Талант» — это все-таки от бога, а от самого человека — черный хлеб *мастерства*, или, говоря еще более сниженно, черный хлеб ремесла. Многие хорошие слова считаются у нас почему-то опороченными, низшими, словами второго или третьего ранга. Слова «ремесло» или «профессия» должны заново приобрести права гражданства в писательском обиходе, должны быть так же святы и неприкосновенны, как великое слово «труд». Во всяком случае, их значение возрастает сразу, когда швыряются, как разменной монетой, понятием таланта,

звучащим в этом случае поистине пошло. Право же, хватит такого дилетантизма!

На Втором съезде писателей СССР в 1954 году прозвучал доклад, посвященный вопросам художественного перевода. Он был итоговым по отношению к целому двадцатилетию (1934—1954): советскими переводчиками была накоплена уйма практического опыта, и этот опыт требовал хотя бы спешного и по необходимости сжатого осмысления. Необходимо было выдвинуть определения грубые, контурные, самого общего порядка.

Напомню, что одним из основных тезисов этого доклада и наиболее, казалось бы, обоснованным теоретически был тезис о примате эстетики по отношению к языкознанию. Мне кажется, что этот тезис требует некоторого пересмотра. Искусство перевода грозит превратиться в дилетантизм чистейшей пробы, если его работники будут руководствоваться исключительно эстетическими нормами. Одним из крайних проявлений такого дилетантизма и является пренебрежение языком оригинала.

Искусство перевода теснейшим, органическим образом связано с наукой, с наукой требовательной в своей точности. Я говорю о языкознании, о сравнительном языкознании, обо всех смежных дисциплинах.

Какие же задачи непосредственно стоят перед нами сейчас в первую очередь?

Они подсказаны самой жизнью.

Первая и самая насущная из них — обучение языкам. Это вопрос подготовки кадров.

К сожалению, обучение языкам — не только языкам братских народов, но и иностранным — один из очень запущенных участков нашей культуры, во всяком случае, до самого последнего времени дело обстояло именно так. Теперь кое-что делается, и будет сделано еще больше. Есть основания надеяться, что общими усилиями — и ведомства высшей школы, и писательской общественности, и самих гуманитарных вузов как в Москве и Ленинграде, так и в республиках — можно поднять очень большую и ценную

целину. Уже и сейчас в республиканских вузах сделано много хорошего. Например, на филологическом факультете Тбилисского университета отлично поставлено изучение иностранных языков, существует кафедра художественного перевода. Курсы теории и истории художественного перевода читаются уже и в Ленинграде, и в Ереване, и в Ташкенте, и в Минске. В Тарту готовят переводчиков с нескольких языков среднеазиатских республик. Очень обидно, что как раз Московскому университету в этом отношении нечем похвалиться!

Таким образом, молодежь у нас растет и готовится к труду в любимой и добровольно избранной области. Мы хотим, чтобы это движение было возможно более широким, а главное — чтобы как раз московские и ленинградские вузы не отстали от республиканских. Чтобы вся наша общественность признала государственную и культурную необходимость изучения языков, в том числе и братских языков народов СССР, на которых созданы такие непререкаемые сокровища поэтического слова! Литературно одаренные люди, знающие иностранные языки, по общему правилу, у нас чрезвычайно редки. Это считанные единицы. И это очень плохо. Если мы еще и еще раз об этом напомним, мы обогатим не только себя, но больше всего тех молодых, которые придут после нас.

Как известно, за последние годы издано несколько сборников, посвященных различным вопросам художественного перевода, а также и несколько отдельных авторских работ — книги А. В. Федорова, А. Л. Кундзича, Е. Г. Эткинда, Д. А. Политико, М. З. Заверина и других. Издать эти книги, протолкнуть их сквозь инерцию редакций подчас было нелегким делом, разошлись же они буквально нарасхват. Впрочем, последнее обстоятельство не убедило книготоргующие организации сколько-нибудь увеличить мизерные тиражи!

Одной из основных и первоочередных наших задач является также создание журнала, специально посвя-

щенного вопросам теории и практики переводческого искусства. Он будет носить характер и просветительский, и пропагандистский, и информационный. Не каждый месяц должен выходить такой журнал, но раза четыре в год он уже и сегодня может быть обеспечен превосходным материалом. И это новое издание явилось бы органическим развитием того, что до сей поры осуществляли наши сборники.

Я ограничился здесь изложением двух наших первостепенных практических задач, памятуя о том, что точный прицел возможен только в том случае, когда стрелок не разбрасывается на многие цели.

С. Дипкин

ПЕРЕВОД И СОВРЕМЕННОСТЬ

1

Когда-нибудь — и мы все надеемся, что это случится в ближайшем будущем, — напишут и издадут историю советского художественного перевода. Эта книга еще раз с новой силой подчеркнет всемирное значение русской литературы. В этой книге будет рассказано о том, как в советское время впервые были открыты и освоены обширные материи национальных литератур, бывших дотоле «землями неведомыми», как в музыке русского слова забились сердца народов, обитающих на пространстве от балтийских волн до вершин Памира, как у этих народов русское слово обрело новую, кипучую, деятельную жизнь. Это будет книга о взаимообогащении культур народов СССР, о том, как наиболее талантливые, вдохновенные художественные переводы стали одним из важных жизненных явлений, способствующих формированию будущей единой общечеловеческой культуры.

«Литература всего легче и лучше знакомит народ с народом... Нигде в западноевропейских странах не переводится так много книг с чужих языков, как у нас, в Союзе Советских республик. Поэтому русский

грамотный человек знает о жизни европейских народов несравнимо больше, чем эти народы знают и знали о России и о племенах, издревле живущих среди русских людей»¹, — эти справедливые, точные слова, сказанные А. М. Горьким в 1929 году в письме к чувашскому писателю А. И. Ярлыкину, теперь нуждаются в серьезном дополнении. Прежде всего исчезла необходимость в оговорке — русский грамотный человек — в стране, где все грамотны. Далее следует сказать, что мы переводим уже не только с языков западноевропейских, но и в невиданном прежде масштабе с языков Востока. Мы переводим с языков советских народов, и молодое тонкое деревце, незадолго до революции посаженное самим Горьким и его соратниками, давно уже не деревце, а могучий, широколиственный плодовый сад, в котором на всех советских языках расцвели творения «племен, издревле живущих среди русских людей».

И наконец — и это самое главное — художественный перевод уже не может ограничиться благородной целью «знакомить народ с народом». У него теперь цель еще более прекрасная, еще более трудная и почетная (я говорю о советском художественном переводе) — утверждать общность социалистических наций, ту общность, о которой так определенно сказано в Программе КПСС:

«У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика...»

Эта глубоко научная формула, обоснованная действительностью, заставляет нас по-новому думать о задачах художественного перевода и по-новому решать эти задачи.

Выдвигается в художественном переводе то главное, то основное, к чему на протяжении столетий стремилась русская переводческая мысль, за что ратовали Пушкин и Белинский, Тургенев и Чернышевский, Добролюбов и Горький, — *верность изображения, реализм.*

¹ М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 30, стр. 115—116.